

Н О В Ы Й Г Р А Д

под редакцией

И. Бунакова, Ф. Степуна и Г. Федотова

1

П А Р И Ж

1931

Содержаніе:

	Стр.
<i>Редакція.</i> Новый Град	3
<i>Ф. Степуи.</i> Путь творческой революціи	8
<i>Г. Федотов.</i> Сумерки отечества	21
<i>И. Бунаков.</i> Пути освобожденія	31
<i>Прот. С. Булаков.</i> Душа социализма	49
<i>Н. Бердяев.</i> Парадоксы свободы в социальной жизни	59
<i>С. Гессен.</i> Пятилѣтка и школьная политика совѣтской власти	67

И д е и ж и з н ь

<i>Г. Федотов.</i> Quadragésimo anno	78
<i>П. Бицилли.</i> Что слѣдует отрицать в «Утвержденіях»	81
<i>С. Жаба.</i> Новыя идеи во французском социализмѣ	85

К н и г и

<i>Н. Лосский.</i> Н. Бердяев. О назначеніи человѣка. — <i>Н. Бердяев.</i> Л. Троцкий. Моя жизнь. — <i>Г. Озерецковскій.</i> А. Югов. Пятилѣтка. — <i>Г. Ф.</i> «Путь» №№ 28-29. — <i>П. Б. L. Romier.</i> Nation et Civilisation; <i>G. Ferrero.</i> L'Unité du monde. — <i>Г. Ф. A. Bremond.</i> Une explication du monde ouvrier; <i>P. Lhande.</i> Le Christ dans la banlieu, Le Dieu qui bouge; <i>R. Garric.</i> Belleville. — <i>Г. Ф. J. Maxence</i> et <i>N. Gorodetzky.</i> Charles Péguy. — <i>Г. Ф. P. Valéry.</i> Regards sur le monde actuel	90
--	----

Новый град

Не легкомысленная жажда новизны, не слѣпая ненависть к старинѣ соединила нас, искателей новаго града. Нѣтъ, в старом городѣ просто становится невозможно жить. Полуразрушенный катастрофой войны, он живет в предчувствіи новаго — быть может, послѣдняго для него — удара, раздираемый непрерывными внутренними противорѣчіями. Кризисы не страшны молодому обществу, полному сил и творческих возможностей. В кризисах мощно росла цивилизація XIX вѣка. Современные кризисы сопровождают или отмѣчают процесс упадка. Война привела к истощенію великаго государства Европы и разрушила нѣкоторыя из них, в том числѣ величайшее из них — Россію. Война ознаменовала начало упадка Европы перед лицом возстающих или борющихся за свою независимость народов Востока. Сама Европа не выходит из состоянія броженія, лихорадочных метаній и беспорядка. Кризис экономической, кризис политическій, кризис социальный, кризис національный. Огромная военная задолженность государств Запада, потеря восточных рынков, суженіе внутренних обусловливает неустойчивость денег, биржевыя бури, колоссальную безработицу. Демократія в цѣлом рядѣ стран оказывается безсильной создать твердую власть, способную бороться с грозной бѣдой. Поколѣніе, воспитанное на крови, вѣрит в спасительность насилія и выдвигает идеал диктатуры против правового государства. Демократія вынуждена обороняться от предприимчивых захватчиков власти, и в рядѣ стран уже разрушена новой небывалого типа тираніей. Рабочій класс, волнуемый экономическими бѣдствіями, снова готовится к штурму капиталистическаго общества. Коммунизм возстановляет революціонную доктрину и тактику 40-х годов прошлаго столѣтія, мечтающая раздуть ближайшую войну в классовую революцію.

И эта война уже затягивает горизонт кровавыми зорями. Уже релетируются грандіозные спектакли уничтоженія городов газовыми и воздушными атаками. Народы вооружаются под

убаюкиваюція рѣчи о мирѣ дипломатов и филантропов. Всѣ знают, что в будущей войнѣ будут истребляться не арміи, а народы. Женщины и дѣти теряют свою привилегію на жизнь. Разрушеніе матеріальных очагов и памятников культуры будет первой цѣлью войны. Война тлѣет под пеплом національной ненависти, злопамятства и обиды. Міровая война не могла подѣлать и успокоить народы. Новыя границы прошли по живому тѣлу. Взамѣн разрушенных конгломератов націй образовались новыя, насильственные соединенія. Относительное культурное единство и общеніе старой Европы до сих пор не восстановлено. Народы окопались траншеями исключительных традицій и интересов. Путешествіе по мирной Европѣ стало труднѣе, чѣм в средніе вѣка. «Европейскій концерт», «республика ученых» и «*corpus christianum*» кажутся разрушенными до основанія.

Тяжелѣе всѣх оказалась участь Россіи. Она расплатилась и за свои собственные грѣхи, наслѣдіе своей трагической исторіи, и за грѣхи капиталистическаго міра, вовлеченная в общій его пожар. В Европѣ экономическій кризис, — в Россіи безвыходная нищета и голод. В Европѣ борьба классов, — в Россіи уничтоженіе их. В Европѣ насиліе, — в Россіи кровавый террор. В Европѣ покушенія на свободу, — в Россіи каторжная тюрьма для всѣх. В Европѣ помраченіе культуры, — в Россіи систематическое ея истребленіе. И Россія, жертва безумнаго самоубійства, готовится стать палачем всего міра, собирая взрывчатые матеріалы для послѣдней катастрофы.

Сѣрный дождь уже падает «на кровли и башни родного Содома». Нам не вернуться к быломu уюту, к теплу отцовских очагов. Нам запрещено даже оглядываться назад, чтобы не застыть соляным изваяніем отчаянія.

Многіе начинают сродняться с мыслью, что мы присутствуем при послѣдней гибели, если не человечества, то европейской культуры — той культуры, которая цѣлью звеньев связана — и на романо-германском Западѣ и на русском Востокѣ — с древней Греціей. Для нас, похоронивших отечество, мысль об апокалипсисѣ культуры, будящая столько отзвуков в русской душѣ, особенно искуссительна. Она может быть источником мстительнаго и безсильнаго удовлетворенія.

Не поддаваться ей! Быть с тѣми, кто готов бороться, готов странствовать — не в пустыню, а к новому Граду, который должен быть построен нашими руками, из старых камней, но по новым зодческим планам. В чем источник нашего мужества и нашей надежды?

Прежде всего мы не видим исчерпанности ни духовных, ни материальных сил стараго человечества. Гигантская трудовая машина расточает без устали свою непрерывно возобновляемую энергію. Даже экономическіе кризисы наших дней являются кризисами перепроизводства. Нигдѣ ни признаков апатіи, равнодушія или лѣни. Болѣе, чѣм когда-либо, Европа — и продолжающіе ее материка — бьется, как стальное сердце мірового двигателя. Механическія силы техники, физическія силы спорта указывают на неистощенность моральных сил. Правда, падают цѣнности состраданія, зато растут фонды чистоты и мужества. Дѣйствительно, новая Европа во многом морально здоровѣе старой. Из скептическаго и эстетическаго декаданса довоенных десятилѣтій вырастает мощное религіозное движеніе. И это не только пріют усталых, мистически изголодавшихся душ. Не только послѣднее убѣжище социальнаго консерватизма. Христіанскія церкви наших дней развивают большую социальную энергію, ставят своею цѣлью объединеніе и организацію раз'единеннаго міра. Молодежь волнуется смутными идеалами новаго порядка, новой организаціи. Идея реконструкціи носится над хаосом.

Кто побѣдит? Новый ли строй восторжествует над хаосом или хаос поглотит еще нерожденный строй? Будущее, к счастью, скрыто от нас. Исход завязавшейся духовной битвы не предрѣшен. Наша свобода и наша воля входят в этот исход, как одна из существенных его предпосылок. Вот почему для всѣх, кто видит возможность спасенія, борьба за него — общій долг.

Мы не одни, кто в этот рѣшающій историческій день выходит в путь в поисках Новаго Града. И мы обязаны точнѣе опредѣлить, что отдѣляет нас от других искателей.

Вмѣстѣ со всѣми живыми людьми нашего вѣка мы убѣждены, что наше поколѣніе вплотную поставлено перед социальным вопросом — не для теоретическаго анализа, а для практическаго его рѣшенія. Для нас это вопрос столько же спра-

ведливости, сколько существованія. Внести разумность в хозяйственный хаос и справедливость в мір, гдѣ эксплуатация и борьба классов — такова не утопія, а заданіе нашего времени. У нас нѣтъ готовых рецептов. Соціализм понятіе слишком многосмысленное. Едва ли это слово способно опредѣлить смысл открывающихся в туманѣ очертаній будущаго хозяйственнаго строя. Мы готовы назвать его трудовым, ибо труд, а не капитал займет в нем почетное мѣсто. Но мы не прельщаемся мечтой об абсолютном государственном принужденіи в организациі труда. Мы хотим сохранить начало свободы и творчества в хозяйственном процессѣ. В этом вся трудность и своеобразіе современной соціальной проблемы.

Против фашизма и коммунизма мы защищаем вѣчную правду личности и ея свободы — прежде всего свободы духа. Вынужденная поступиться многим в своей экономической свободѣ ради спасенія цѣлаго, ради возможности общаго дѣла, личность сохраняет свое нравственное достоинство в глубинѣ своей совѣсти, своей мысли, своего духовнаго творчества. Это признаніе свободы личности отдѣляет нас от большинства так называемых пореволюціонных теченій русской политической мысли, с которыми нас роднит общее пониманіе политическаго кризиса и воля к новой организациі жизни. В охранѣ свободы, как драгоцѣннаго завѣщанія XIX вѣка, мы занимаем позицію консерваторов. Но мы не удовлетворены буржуазным пониманіем свободы и ищем для нея новых обоснованій.

Начала новаго свободнаго порядка и справедливости, утверждаемыя в государственном общежитіи, должны быть обеспечены и в отношеніях между націями. Націи — великія личности — должны сохранить во всей полнотѣ свободу своего творчества, но поступиться долей политической и экономической свободы, чтобы войти в общечеловѣческое общеніе. Какой смысл работать над созданіем мира и порядка в своем собственном домѣ, когда этот дом обречен на разрушеніе в борьбѣ внѣшних сил? Изолированное существованіе націй стало давно невозможным. Болѣе, чѣм когда-либо, мір, при всей раздирающей его ненависти, живет связанной жизнью. Друзья и враги спаяны цѣпью общей судьбы. Уже Европа становится тѣсною для новаго понятія политическаго человѣчества. Наше

вниманіе приковывают к себѣ и Запад и Восток и на рубежѣ их — Россія.

Россіи отдаем мы наши самыя завѣтныя мысли. Образ міра, среди котораго мы живем и который лучше видим, не за-слоняет в наших глазах далекаго, трудно уловимаго, но всегда близкаго лица Россіи. Ненавидя ея палачей, вглядываясь пристально в ея усилія к освобожденію, мы отдаем себѣ отчет во всей сложности матеріальных и духовных процессов, в ней совершающихся. Мы стремимся мысленно отдѣлить внѣшне связанное и внутренне переживаемое ей. Мы хотим уловить образ подлинной — это не значит чистой и безгрѣшной — Россіи, и опредѣлить основы, на которых должна сложиться ея историческая жизнь. Если хоть нѣкоторыя из наших страниц дойдут до нея и помогут кому-нибудь там в мучительном дѣлѣ національнаго и соціальнаго самоопредѣленія, мы будем сто-рицей вознаграждены за наш труд.

Свобода личности и правда общежитія, національное и все-ленское начала — гдѣ могут они быть примирены, внутренне и органически, внѣ христіанства? Современное развитіе «по-зитивной» мысли, консервативной, либеральной и социалисти-ческой — разбивает единство христіанской правды в осколки. Каждый из них становится кривым зеркалом міра и односторон-не-опасным орудіем дѣйствія. Лишь христіанство не эклекти-чески, а цѣлостно утверждает равенство цѣлаго и части, лич-ности и міра, Церкви и человѣческой души. Христіанство без-конечно выше соціальной правды, христіанству, в его трагиче-ском развитіи на путях исторіи, случалось тяжело погрѣшать против соціальной правды, и все-таки осуществленіе соціальной правды возможно лишь в христіанствѣ: как общественное выраженіе абсолютной правды Христовой. Но мы не связываем приходящих к нам никакою исповѣдною формулой, довольст-вуясь наличностью извѣстнаго духовнаго единства. Мы спра-шиваем не о том, во что человек вѣрует, а какого он духа. Под этим знаменем соединились мы в борьбѣ за правду Новаго Града.

Путь творческой революціи

В Аргентинѣ паровозы топят пшеницей. Канада спускает хлѣб в море. Бразилія уничтожает часть кофейнаго урожая — а в Нью-Йоркѣ, Лондонѣ и Берлинѣ люди ежедневно лишают себя жизни с голоду.

Переутомленные рабочіе всего міра ведут напряженную борьбу за сокращеніе рабочаго дня. И все же имѣющіе пока работу предпочитают на свой счет содержать 30 милліонов безработных, чѣм, уступив им часть работы, сократить свой рабочій день.

Соціал-демократическая партія Германіи все время занимает командныя высоты власти, но все же и понынѣ 93,6% неимущаго населенія Германіи владѣет 40% народнаго достоянія, а 0,15% богатѣев — 26%.

Немногочисленные защитники классической политической экономіи время от времени пытаются успокоить Европу привычными соображеніями о том, что в буржуазно-капиталистическом мірѣ есть в сущности все необходимое для процвѣтанія челоуѣчества: громадныя капиталы, усовершенствованныя орудія производства, обиліе рабочих рук. Но этим послѣдышам рационалистически-оптимистическаго просвѣщенства уже мало кто вѣрит. Всѣм наиболѣе чутким людям послѣвоенной Европы ясно, что элементы благополучія налицо, но нѣтъ самаго главнаго: — «предустановленной гармоніи» между этими элементами.

Нецѣлесообразное распредѣленіе капитала между отдѣльными европейскими странами порождает сплошныя политическіе и экономическіе крахи: финансовая солидность и политическая несговорчивость французскаго капитала растит направленное против Франціи націонал-соціалистическое движеніе в Германіи, а экономическая слабость Германіи заставляет нѣмецкій финансовый капитал заниматься легкомысленной спекуляціей, что ведет к банковым крахам, бьющим, к сожалѣнію, далеко не только по банкирам.

Орудія производства усовершенствуются, — особенно далеко ушла в этом отношені Германія; но доведенная до конца механическая рационализація оборачивается на наших глазах полной экономической иррациональностью. Производственная мощь европейских фабрик сейчас настолько превышает покупательную способность мірового рынка, что половина фабрик и половина машин на фабриках бездѣйствует. Сокращенный же рабочій штат должен выработывать, кромѣ доходов для капиталистов и заработка для себя, еще и суммы, необходимые для уплаты процентов на капиталы, затраченные на постановку бездѣйствующих машин. В результатѣ всего — невозможность занять избыток рабочих рук, которыя не только от отчаянія, но и от бездѣлья переходят к работѣ на революцію.

Пред лицом столь очевиднаго экономически-финансоваго хаоса в разных странах и классах Европы все чаще и чаще раздаются требованія перехода к плановому хозяйству. Это исконно социалистическое требованіе в искаженном видѣ реализуется нынѣ всею трестированною и картелизированной промышленностью, давно отказавшейся от принципа свободной конкуренціи, с азартом защищается реакціонно-радикальными элементами Европы — в особенности націонал-социалистами, — но выдвигается также и болѣе умѣренными, собственно говоря, буржуазно-демократическими политиками. Так Ріегге Соф, например, пишет: «Необходимо созданіе пяти- или десятилѣтняго плана обще-европейскаго хозяйствованія. Необходим отказ от принципа либеральнаго хозяйствованія, осужденнаго фактами. Необходимо установленіе порядка вмѣсто безпорядка, ясности вмѣсто иллюзій, дисциплины вмѣсто анархіи».

Защита плановаго хозяйства наталкивается, однако, в Европѣ на весьма сложный вопрос о субъектѣ хозяйствованія. В качествѣ такового с самых разных сторон все настойчивѣе и настойчивѣе выдвигается государственная власть. (Нарожденіе нѣкоего новаго этатизма является безспорно одною из самых характерных черт формирующагося сознанія послѣвоенной Европы). Но тут сразу же обнаруживается дальнѣйшій этап общеевропейскаго кризиса: тот факт, что парламентарная демократія, благодаря своей идейно-психологической связи с духом либерально-капиталистическаго индивидуализма, является поли-

тической формой наименѣ приспособленною к возвращенію сильной государственности. И на самом дѣлѣ, нельзя не видѣть, что роль государственной власти в парламентских демократіях в гораздо большей степени сводится к роли зеленого стола, за которым борются за преобладаніе экономическія и политическія силы страны, чѣм к роли волевых центров, способных на творческое водительство народов.¹⁾

Так кризис капитализма сливается в Европѣ с кризисом демократіи. Отсюда безусловный рост симпатій к фашистско-соціалистическим теоріям и настроеніям, а тѣм самым и рост популярности Совѣтской Россіи.

Конечно, большевицкое хозяйство всѣх кормит впроголодь, но все же производственно-технической успѣх Совѣтской Россіи не подлежит ни малѣйшему сомнѣнію. Согласно данным «Института по изслѣдованію міровой хозяйственной конъюнктуры» в Килѣ, внѣшне-торговый оборот всего міра упал за послѣдніе три года со 100 на 70, оборот же Совѣтской Россіи поднялся со 100 на 150. Эти цифры, правильность которых можно было бы подкрѣпить десятками других, являются предупреждающим сигналом для всѣх тѣх, кто все еще строит новое отрицаніе большевиков на том основаніи, что у них, фантазеров, ничего не выходит. Это весьма скользкій путь, который завтра может привести к совершенно неожиданному результату: к полной капитуляціи перед большевизмом.

Если бы у большевиков дѣйствительно ничего не выходило, а во всем антибольшевицком мірѣ все обстояло бы как нельзя лучше, то не о чем было бы и беспокоиться. Но в том то и дѣло, что ничего подобнаго утверждать не приходится. За 13 лѣт своего властвованія большевики из печальнаго недоразумѣнія русской жизни выросли в грозную міровую силу.

Чѣм же об'ясняется столь очевидный успѣх их, как многим вначалѣ казалось, совершенно безнадежнаго дѣла?

---

¹⁾ Образ заимствован из: *Hoins, Freyer. Revolution von rechts.* Eugen Diederichs. Jena.